

КСЕНИЯ
БУКША

ОТКРЫВАЕТСЯ
ВНУТРЬ

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

РЕДАКЦИЯ
ЕПЕНЫ
ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Художественное оформление *Виктории Лебедевой*

На переплете и авантитуле — рисунок *Ксении Букши*.

Роман печатается с сохранением авторской орфографии
и пунктуации.

Книга публикуется по соглашению
с литературным агентством ELKOST Intl.

Букша, Ксения Сергеевна.

Б90 Открывается внутрь : [рассказы] / Ксения Букша. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 283, [5] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-108263-5

Ксения Букша — писатель, копирайтер, переводчик, журналист. Автор биографии Казимира Малевича, романов «Завод “Свобода”» (премия «Национальный бестселлер») и «Рамка».

«Пока Рита плавает, я рисую наброски: родителей, тренеров, мальчишек и девчонок. Детей рисовать труднее всего, потому что они все время вертятся. Постоянно получается так, что у меня на бумаге четыре ноги и три руки. Но если подумать, это ведь правда: когда мы сидим, у нас ног две, а когда бежим — двенадцать. Когда я рисую, никто меня не замечает».

Ксения Букша тоже рисует человека одним штрихом, одной точной фразой. В этой книге живут не персонажи и не герои, а именно люди. Странные, заброшенные, усталые, счастливые, несчастные, но всегда настоящие. Автор не придумывает их, скорее — дает им слово. Зарисовки складываются в единую историю, ситуации — в общую судьбу, и чужие оказываются (а иногда и становятся) близкими.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108263-5

© Букша К.С.

© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

Детдом

1. Сосновая поляна. Ася	9
2. Авангардная. Варя и Вера	28
3. Братаны	50
4. Кампоты Гуха	60
5. Чаша	80
6. Женя	92

Дурдом

7. Чувачки	111
8. Ключ внутри	118
9. Автоковский путепровод. Права	142
10. Стас	159
11. Автопортрет	174
12. Шарлатан	187

Конечная

13. Я — Максим	213
14. Красный тазик	226
15. Проспект Стачек. Надя	237
16. Регина и смерть	246
17. Бабушка	260
18. Конечная	272

Детдом

1. Сосновая поляна. Ася

За железнодорожной станцией Сосновая поляна начинается слабенькое осеннее утро. Едва виднеются в нем палки и ветки палисадников и дворов. Маршрутка номер триста шесть, жестяная белая коробка с фарами и без всякой рекламы, стоит заглушив двигатель — ждет пассажиров с электрички. Самый край Петербурга. Тут начинаются дома. Окна еле теплятся. Ветра почти нет, воздух теплый, темный и желтый. У будки до сих пор цветут, подсыхая и подгнивая, дудочки нежно-сиреневых цветов над инеем травы в темноте. Вокруг спокойствие.

Водитель маршрутки почти не хочет спать. Он курит, стоя в обвисших штанах и плотных резиновых тапках, и задумчиво смотрит за переезд. Там, за переездом, пестреют дачки, сараюшки, баньки, сады и кусты, тропки, канавы и мостики, низкорослые рябины, малинники, железные сетки, за-

боры. Тянет печным дымом. Желто-красные пестрые листья темнеют в лужах.

Очень спокойно вокруг.

Вот подходит к переезду с той стороны семейство: мамаша и трое детишек. Мамаша совсем молодая, с пушистыми волосами и в беретике, в легком пальто. Детишек трое. Старшая похожа на маму. Тоже худенькое личико, курносый нос, только волосы другие, черные. Средний и младший — пацаны. Среднему лет восемь, хулиган, как видно. Младший в комбинезончике с паровозами. Ветра совсем нет.

Идут взявшись за руки, цепочкой. Мама, средний, младший и старшая.

Водитель влезает на сиденье, открывает двери. В маршрутке у него целое хозяйство. Пятихатки он засовывает за козырек, который против солнца. Сотни — в сумку на поясе. Мелочь — в прорези на засаленной мочалке по правую руку.

Триста шестая разворачивается на площади перед станцией. Огни кругом. Десятиэтажки с другой стороны. Яркие даже в темноте, обрызганные ночным дождем березы. Триста шестая покачивается.

* * *

Каждый раз, выпив с мамой по бокалу красного, Ася ей задает один и тот же вопрос:

— Ну, мам, кто мой папа?

Мама каждый раз говорит разное. Асю прямо смех разбирает, как она каждый раз начинает выкручиваться. Сводит глаза к переносице и говорит что-нибудь высокоумное, предположительное такое. Каждый раз — какое-нибудь новое откровение.

— Твой отец — Сергей Иванович! — например.

— Мам, ты в прошлый раз говорила, что дядя Петя.

— Ну разве ты похожа на дядю Петю?!

Или что-нибудь совсем сентенциозное:

— Скажи спасибо, что я не сдала тебя в детдом. Знаешь, как трудно было одной с ребенком в те годы? Да, я не сидела с тобой, мне приходилось работать с утра до ночи, чтобы тебя обеспечить. Но с тобой были мои родители!

А раньше неизменно добавляла под конец:

— Конечно, тебе-то хорошо! У тебя детей не будет, живи себе спокойно как хочешь!

* * *

Про детей, которых не будет, Ася узнала еще в те незапамятные времена, когда на первом курсе безумно влюбилась в своего институтского профессора Константина Константиновича (Лакан

да Фуко), которому тогда было почти пятьдесят, и переехала к нему. Они жили очень счастливо месяца три. Однажды Константин Константинович за утренним чаем доброжелательно спросил Асю:

— Асеночек, ты что, уже беременна?

— Почему беременна? — удивилась Ася.

— Месячных все нет и нет, — Константин Константинович хоть и был доктор философских наук, но имел свои наблюдения над жизнью.

— Так у меня они еще не начались, — объяснила Ася. — Пока еще ни разу не было.

— Как? — удивился тот. — Тебе семнадцать, и ни разу?

Ася кивнула.

Константин Константинович немного смутился. Поразмыслив, он предложил Асе все-таки проверить, беременна она или нет. Так как логика, — добавил он, — говорит нам, что если чего-то ни разу не было, то это еще не значит, что чего-то другого быть не может.

* * *

Пожилая гинеколог в парике уложила Асю на простынку, достала нечто вроде железного рупо-

ра, аккуратно вставила в Асю, включила фонарик и стала молча глядеть. Ася сильно волновалась, но виду не показывала. В детстве и ранней юности Ася была робким, смирным и терпеливым существом, которое можно было даже умертвить, а она бы только лежала и, может, даже не хныкнула. Потом все изменилось, но тогда, в тот день, Ася лежала себе как кролик, которого фаршируют, а гинеколог, пожилая армянка, ощупывала ее изнутри пальцами в резиновых перчатках.

Наконец врач закончила осмотр и сняла перчатки.

* * *

О бездетности Ася почти не переживала. Тем более что у Константина Константиновича на детей уже была аллергия. Все предыдущие жены, а было их семь, рожали ему ребенка, а то и парочку. Так как профессор считал себя ответственным отцом, то приходилось помнить все эти дни рождения, звонить и барственно поздравлять:

— Ну что, как там девчонка-то моя? Растет? А! Какая большая барышня! А как там ваше пианино, виноват, шахматы? Что? Балет? А, да, точно, балет: как успехи?

Понятно, что при таком раскладе Константин Константинович был очень рад, что Ася не заставит его запоминать новые дни рождения.

Они еще какое-то время прожили вместе, потом драматически расстались, Ася совершенно не переживала, потом еще пару-тройку раз побывала замужем, и эти мужья тоже исчезли в дымке, не потому, что у них не было детей, а по разным другим причинам. Кто-то из них и сам был дитя.

И Ася опять не переживала.

Не слишком волновал ее и вопрос, который она традиционно задавала маме, когда приезжала к ней в гости:

— Мам, а мам! А кто мой папка-то, а?

Асе скорее было забавно со стороны наблюдать, как мать выкручивается, складывает губы гузкой, смотрит долго в один угол, потом в другой, потом на потолок, ну чисто она Гертруда, а с потолка должна счас явиться тень Клавдия. Ася с антропологическим, а может, мифологическим любопытством наблюдала за тем, как в голове матери складывается вранье.

— Твой папа? — наконец изрекала мама, сделавши на лице сложные щи. — Так и быть, скажу. Это знаешь кто? Это Семеркин. Ну да, Боря Семеркин, помнишь такого? — И дальше мама выдавала речитатив: — У него жена еще дефектолог без правой ручки родилась работает в доме ребенка еще такая помнишь высокая веселая на дне рождения у Павла Ильича когда ты стихи вслух прочитала она еще...

Семеркин. Ася не помнила почти никого из тех, кого называла мама. В детстве взрослые казались ей лесом, деревьями в лесу, а их голоса — гулом ветра в кронах, смутным и грозным. Ася почти не поднимала на них головы. Она была маленькая, они — большие. Матери Ася тоже почти не видела, жила с бабкой и дедом в маленьком домишке в дачном массиве Сосновой поляны. Дед за день слова не скажет. Бабка только ругала. Ася была гадким утенком, да и кто с ней дружил-то? одни собаченьки. Самое раннее воспоминание: Ася сидит на корточках на люках, вокруг снег, а на люках тепло, и вокруг восемь собаченок свернулись клубками, тоже теплые, греют Асю. Одевали ее дед и бабка в обноски. В детском саду была одета хуже всех, даже по тем временам, просто в какое-то тряпье. Ни одного красивого платья, ни разу. Ася всегда мерзла. Рейтузы в дырах. Ноги мокрые.

Но ничего, Ася не в обиде; и все-таки кто папаша-то? Почему-то Асе хотелось бы знать. Почему-то ей кажется, что здесь скрыто нечто важное.

* * *

Ну а про детей Ася и вовсе совершенно не переживала и продолжала не переживать, когда вдруг однажды так получилось, что директор конторы, в которой она работала, видимо, особо сильно нагрешил и взялся помогать сироткам. Конечно, он довольно скоро это дело бросил, а вот Ася начала задумываться.